

УДК 811.161.1

Инверсия и эллипсис — зона функциональной уязвимости несклоняемых существительных

Мельникова Людмила Александровна

Аспирант,

Астраханский государственный университет;
414056, Россия, Астрахань, ул. Татищева, 20а;

e-mail: ludmila_mel@bk.ru

Аннотация

В статье Мельниковой Л. А. «Инверсия и эллипсис — зона функциональной уязвимости несклоняемых существительных» рассматриваются отношения между формой и содержанием компонентов высказывания. Дается анализ грамматических значений, выражаемых несклоняемым существительным в речевой реализации. Выясняется роль формальных показателей и семантических категорий слов в построении предложения.

Ключевые слова

Инверсия, эллипсис, препозиция, омонимия, падеж, управление, контекст, взаимодействие, синтаксическая функция.

Введение

Группа несклоняемых имен достаточно хорошо описана в русском языке как морфологический феномен, однако их функционирование не менее интересно и является принципиаль-

но важным не только в определении коммуникативных особенностей этих слов-исключений, большинство из которых являются заимствованиями, но и в понимании так называемых стратегических проявлений русского языка, принявшего инородный элемент и дав-

шего ему возможность наравне с другими единицами системы успешно реализовывать частные грамматические значения нетрадиционными средствами.

В устной речи важны просодические характеристики. Они выполняют гораздо больше функций, чем знаки препинания на письме. В предложениях, осложненных грамматической омонимичностью компонента, они могут выступать дифференцирующими признаками, ср.: *Леди пела звонко / скрипка ей мурлыкала / гитара...* и *Леди пела звонко скрипка / ей мурлыкала гитара...* Просодический компонент, взаимодействуя с семантическим, выдают две разных ситуации: в первой *Леди* — производитель действия, музыкальные инструменты лишь сопровождают его, имеют второстепенную роль; во второй производители действия — инструменты, *Леди* же — адресат данного действия.

Омонимичность несклоняемых существительных (далее НС) в некоторых случаях невозможно преодолеть в письменном варианте высказывания, и лишь просодия придает им однозначность, ср.: *Пари расстроит леди; Гарри достал телефон* (предложения осложнены полисемией предиката). Однако в ряде ситуаций звуковое оформле-

ние речи оказывается нерелевантным: *ВТБ-24 дает большие возможности доверие граждан; Кутюрье восхищался французский бомонд; Сулико пригласила на торжественное бракосочетание мама; Гарри успокоил очередной укол; Келли пугает искренность.* Не просодические характеристики играют здесь решающую роль в интерпретировании, а семантический компонент — сочетаемость лексем в создании модели ситуации. Препозиция управляемого глаголом компонента в псевдоначальной форме неизбежно вводит в заблуждение реципиента при первом прочтении и заставляет вернуться к началу для повторного ознакомления (в письменной речи), либо переспросить (в устной). Но своевременное преодоление конкуренции смысловых векторов оказывается затруднительным, поэтому такие инверсированные конструкции составляют периферийную область функционирования нефлексивных имен.

Нейрофизиологические исследования головного мозга, в частности его речевой функции, в последние десятилетия прошлого века (см. об этом Грановская, 1974, Бехтерева, 1980, Деглин, 1984, Глезер, 1985 и др.) дали основания предполагать, что человеку свойственно мыслить нерасчлененными образами типа «лунопоявилось», «кни-

гочтение» и т. п. . Когда находящаяся в сознании «ментальная картина факта»¹ получает коммуникативную функцию, т. е. задание быть переданной, она кодируется в коммуникативную структуру: передается системе фреймов, где раскладывается на компоненты — терминалы с соответствующими отношениями, которые затем получают лексическое наполнение. Таким образом, получается семантическая структура (пропозиция), готовая к озвучиванию. При переходе к фонетическому выражению пропозиция может модифицироваться, варьироваться под влиянием условий коммуникации, прагматических задач и установок отправителя речи. На этом этапе происходит недооценка носителем языка грамматической неинформативности НС, которая, накладываясь на лексическую полисемию синтагматического окружения и структурную вариативность предложений, широко используемую в языке синтетического строя, вырастает в своем омонимическом качестве до уровня языковой проблемы.

Инверсия

Изменяя порядок компонентов, говорящий нарушает исходную по-

¹ Гийом Г. Принципы теоретической лингвистики. — М.: ЛКИ, 2007. — С. 72.

следовательность речепорождения и создает структуру, отклоняющуюся от грамматичности — важного фактора, источника конструктивно-позиционной информации для НС, поддерживающей его идентификационный баланс: *Спагетти с сыром кормили здесь всех приезжих туристов.*

НС, занимая начальную позицию в инверсированном варианте высказывания, оказывается в эпицентре тема-рематического обновления, получения новых функций:

- 1) структурной: начальный символ цепи (главный, матричный), отбрасывающий дерево непосредственно составляющих вправо;
- 2) семантической — функции, соответствующей позиции субъекта речи, носителя признака, называемого следующими компонентами;
- 3) тема-рематической — функции «данного», известного, которому приписывается новый признак;
- 4) просодической — интонации, характерной для начального символа (восходящий тон).

НС становится «заклейменным» новыми знаками, которые гармонируют с внешним обликом — начальной формой имени. Эти вводящие в заблуждение «синтаксические мас-

ки»² могут нейтрализоваться комплексом дифференциальных признаков, проявляющихся в разной степени в тексте:

1) Наличие согласованного предикативного ядра: *Регби мы отдавали все свободное время; Буратино она нарисовала симпатичный носик* (хотя согласовательные значения могут и совпадать: *Леди пела звонко скрипка*).

2) Степень категориально-семантической уместности НС в функции субъекта (имеется в виду сочетаемость лексических значений): *Келли пугает искренность; Гарри успокоил очередной укол*. Переходность глагола в данных примерах требует постпозиции одушевленного прямого объекта, поскольку НС первоначально воспринимается как подлежащее. Но семантика лексического значения компонента в постпозиции не соответствует формальному требованию. Запускается процесс переосмысления, т. е. при идентификации последнего компонента высказывания, происходит изменение первоначального вектора интерпретации.

3) Контекст — единственный фактор, способный разграничить лексико-грамматическую полисемию и омо-

нимию в письменной речи, например, в таких предложениях: *Пари расстроит леди; Художник писал Леонардо; Запивать принято кофе; Гарри достал телефон*.

Однако, как показывает исследование, общий контекст, позволяющий улавливать смысл цельных фрагментов, может оказаться нерелевантным для идентификации более мелких сегментов на уровне словоформы, что может привести к недопониманию, как в таких случаях: *Принесенный портье ужин остыл* (принесенный кому? кем?); *Я надел фуражку портье* (чью? кому?); *Мне открыла сестра Элис* (чья? какая?); *Журнал можно приобрести в киоске метро* (ср.: в киоске «Метро») и др.

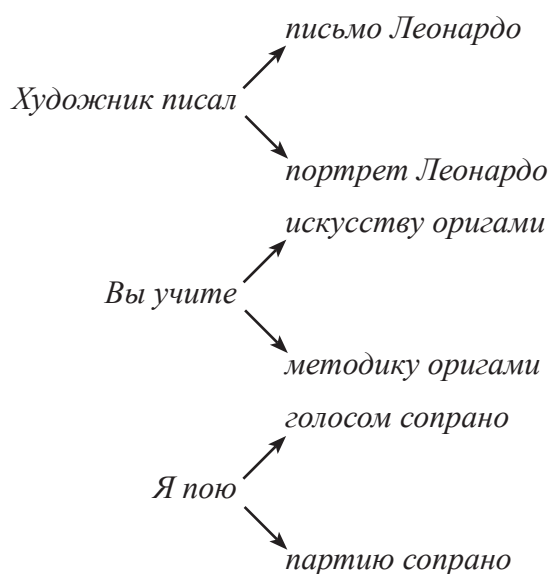
Эллипсис. Заключение

Редуцируя в процессе речепроизводства полную, исходную структуру, т. е. опуская один из аргументов, представляющих обязательную валентность предиката, отправитель речи другим способом (ср. с инверсией), но тоже создает отклонение от грамматичности, правильности. Эта процедура, не релевантная по отношению к изменяемым существительным, для НС может создавать множественность ин-

2 Золотова Г. А. Коммуникативные аспекты русского синтаксиса. — М.: КомКнига, 2007. — С. 26.

терпретаций: *Художник писал Леонардо; Вы учите оригами; Я пою сопрано.*

Подобные предложения отклоняются от грамматичности, поскольку в них опущен прямой (либо косвенный) объект переходного глагола, на месте которого оказалось неоформленное существительное. Глагол приписывает последнему функцию, необходимую для реализации своей семантики, однако форма конструкции теперь включает в себе не одно значение:

Компонент со значением объекта в целях экономии средств выражения был имплицирован в признаковый компонент, претерпевший под влиянием новой функции смещение падежного значения с родительного атрибутивного на винительный объекта, что у флективного существительного отразится в формальном показателе (*Он писал Петра /*

Он писал Петру). Несклоняемое имя является ненадежным, уязвимым материалом для подобных языковых операций, в данном случае — источником функционального синкретизма. В процессе импликации под влиянием факторов естественной грамматической омонимичности и лексической полисемии нефлективное существительное становится территорией столкновения разных смыслов, причиной конкуренции двух типовых ситуаций (фреймов), а в случае трехзначной полисемии, возможно, и трех (ср.: *сопрано* имеет и третье значение — певица или часть хора, исполняющая мелодию в верхнем голосовом регистре, что допускает интерпретацию фразы в контексте репетиционного момента: *Я пою (кому?) сопрано*).

Редукция обязательного компонента (или его импликация) создает проблемную ситуацию при недостаточности контекстуального фактора, при существенном различии апперцепционной базы (О. А. Лаптева) коммуникантов, их прагматических задач, при одностороннем вещании и т. д. Рассмотрим, например, такую эллиптическую фразу: «...*Я пишу Краузе*». Предыдущий и следующий за высказыванием текст может раскрыть значение омонимичной структуры, но

может и оставить его непроясненным. Несклоняемое существительное, исходя из семантики управляющего глагола, может быть адресатом, объектом или орудием / средством (если, например, данное предложение было ответом на вопрос: «*Какие ты предпочитаешь ручки?*»). Однако могут ли у слушателя возникнуть в сознании одновременно три ситуации? Здесь уместно привести концепцию о «нисходящем восприятии речи», в частности, мнение В. Б. Касевича, согласно которому «процесс восприятия в принципе начинается с гипотезы о семантической характеристике воспринимаемого высказывания, затем эта гипотеза верифицируется и одновременно конкретизируется путем обращения к информации, относящейся к свойствам, признакам единиц нижележащих уровней»³. Принимая данную теорию к сведению, предположим, что уже в момент поступления информации, в сознании реципиента возникает первичная гипотеза о содержании фрагмента. По всей видимости, этот вектор интерпретации формируется на основе наиболее употребительного варианта фразы, в данном случае приоритет принадлежит *Краузе*-адресату

(редуцированное выражение данного фрейма является традиционно принятым в обществе: *я пишу кому-либо*). Верифицировать данное высказывание с нефлексивным существительным путем обращения к детальной информации «единиц нижележащих уровней» (т. е. формальных маркеров) нет возможности, следовательно, единственным средством осмысления фрагмента оказывается распознавание контекстуальной линии.

В случае неподтверждения первой версии дальнейшей речью, первичная гипотеза отвергается и, либо развивается новый вектор интерпретации на основе характерных признаков, отсылающих сознание к определенному фрейму в памяти, либо фраза остается смысловым пробелом в коммуникации.

Библиография

1. Гийом Г. Принципы теоретической лингвистики. — М.: ЛКИ, 2007. — 232 с.
2. Золотова Г. А. Коммуникативные аспекты русского синтаксиса. — М.: КомКнига, 2007. — 368 с.
3. Касевич В. Б. Труды по языкознанию. В 2 т. — Т. 1. — СПб.: Фил. фак. СПбГУ, 2006. — С. 664 с.

3 Касевич В. Б. Труды по языкознанию. В 2 т. — Т. 1. — СПб.: Фил. фак. СПбГУ, 2006. — С. 591.

Inversion and ellipsis are the zones of functional vulnerability of indeclinable nouns

Mel'nikova Lyudmila Aleksandrovna

Postgraduate student,
Astrakhan State University;
P.O. Box 414056, Tatishcheva st., 20a, Astrakhan, Russia;
e-mail: ludmila_mel@bk.ru

Abstract

The article discusses the relationship between the form and the content of the comments on the material of the position of the inversion and ellipsis for indeclinable nouns in Russian language. The author makes analysis of grammatical meanings, expressed in indeclinable noun through verbal implementation. The research explains the role of formal parameters and semantic categories of words in building sentences. The group of indeclinable names is well described in the Russian as a morphological phenomenon, but their functioning is not less interesting and is crucial not only in determining the communicative features of these words, exceptions, most of whom are borrowing, but also in understanding the so-called strategic manifestations of the Russian language, accepting foreign element and giving it the opportunity to par with other units of the system to successfully implement particular grammatical meanings by unconventional means. Preposition of a verb managed component in the pseudo-initial form inevitably misleads the recipient at first reading, and makes him return to the top for a re-review (in writing), or ask again (orally). But timely overcoming of competition of semantic vectors is difficult, so these inverted structures constitute the peripheral area of operation of flexionless names.

Keywords

Inversion, ellipsis, preposition, homonymy, case, regulation, context, interaction, syntactic function.

References

1. Guillaume, G. (2007), *Principles of theoretical linguistics* [*Printsipy teoreticheskoi lingvistiki*], Moscow, 232 p.
2. Kasevich, V.B. (2006), *Works on linguistics. In 2 vols. Vol. 1* [*Trudy po yazykoznaniiyu. V 2 t. T. 1*], St. Petersburg, 664 p.
3. Zolotova, G.A. (2007), *Communicative aspects of Russian syntax* [*Kommunikativnye aspekty russkogo sintaksisa*], KomKniga, Moscow, 368 p.